
ВЕК ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

А. И. ЖДАНОВ

УГРОЗЫ ДЕКОНСОЛИДАЦИИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ МАГИСТРАЛЬНОГО ПУТИ ЭРОЗИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РЕЖИМА НА ПРИМЕРЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

В данной статье приводится анализ причин и факторов деконсолидации либеральной демократии на примере Соединенных Штатов Америки. Феномен эрозии демократического режима США рассматривается в ходе исследования в методологических рамках традиционной теории демократии, а также иных концепций, объясняющих причины деконсолидации одной из старейших демократий мира. Такой подход позволяет системно взглянуть на движущие силы центробежных процессов, развивающихся в США, и рассмотреть данный процесс как обусловленный эрозией множества составляющих частей демократии, включая ранее высокоэффективные государственные институты, консолидированные элиты, центростремительно ориентированные контрэлиты, гражданскую культуру населения, казалось бы, надежно укорененную в обществе нулевую толерантность к политическому насилию и множество прочих системных факторов стабильной демократии. Автор обосновывает точку зрения, согласно которой начиная с 1990-х гг. разрушение отдельных элементов консолидированной демократии влечет за собой нарушения в работе демократического режима США в целом.

Ключевые слова: либеральная демократия, США, деконсолидация, теория демократии, политический режим, эффективность институтов, гражданская культура, нулевая толерантность, факторы стабильности.

Введение. Классическая теория и деструктивные процессы в западных демократиях

Классическая теория демократии определяет демократический политический режим не только как в наибольшей степени желательный, но и как наиболее эффективный. Согласно концепции Роберта Даля, изложенной в его труде «О демократии», демократическое устройство обеспечивает наибольшее процветание для граждан, экономический подъем, соблюдение законов и развитие научно-технического прогресса – соответственно, за счет всего этого обеспечивается наибольшая стабильность демократии по сравнению с иными политическими режимами (Даль 2000: 59–62). В то же время по мере развития политических наук многими исследователями подмечались отдельные изъяны демократии, которые могли бы способствовать ее саморазрушению. Одним из первых среди современных философов данную проблему сформулировал К. Поппер, обозначив так называемый «парадокс демократии» – беззащитность демократического устройства перед сознательным предпочтением недемократических методов управления большинством населения (Поппер 1992: 328–329). В рамках транзитологии как отрасли политологии многие деятели политической науки, также озабоченные хрупкостью демократии, искали способы ее укрепления. Практическая проблема тем самым заключалась не столько в создании демократии, неразрушимой при любых обстоятельствах, сколько в том, чтобы подстраховать ее. Иными словами: «Изобрести не вечный двигатель, а всего лишь машину с приспособлением *fool proof*¹» (Лейпхарт 1997: 10–11).

В результате современная политологическая оценка демократического режима с точки зрения потенциальных рисков базируется на идеал-типическом подходе, сформулированном М. Липсетом, согласно которому вероятность успешного генезиса демократии обеспечивается рядом аспектов тотальных общественных систем, которые могут быть артикулированы в теоретических терминах (Липсет 2016: 82–87). К аспектам, обеспечивающим консолидированную демократию, относят политические факторы (историческую традицию, институциональный и конституционный порядок, общую эффективность политической системы), экономические факторы (уровень неравенства, ВНД на душу населения, развитый

¹ Защита от дурака (*англ.*).

средний класс), социально-культурные факторы (общая лояльность демократии, гражданская культура, доверие к государственным институтам) и т. д. В то же время отдельные исследователи отмечают, что кризисные тенденции сегодня наблюдаются в наиболее экономически, социально и культурно развитых демократиях, а именно в странах Евро-Атлантического региона. Так, согласно исследованиям *Polity IV* и *Freedom House*, уровень демократии в Соединенных Штатах Америки снизился до такой степени, при которой США нельзя назвать консолидированной демократией (или *Full Democracy*, согласно обозначению *Polity V*) (см. рис. 1).

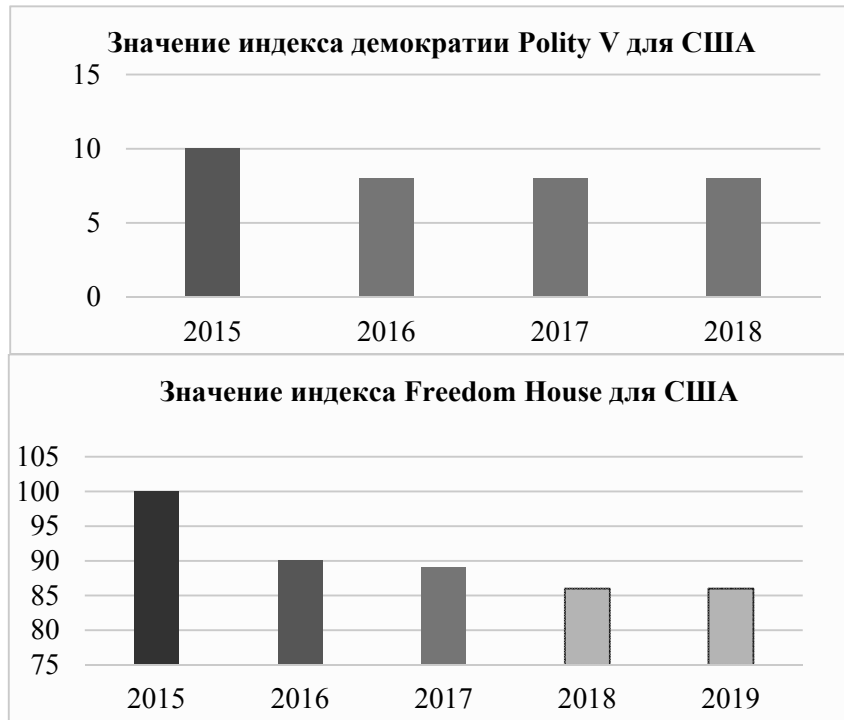

Рис. 1. Динамика уровня демократии в США

Источник данных: Political... 2020; Freedom House 2020.

В то же время США демонстрируют высокие показатели по большинству факторов, выделяемых классиками теории демократии как наиболее значимые для консолидации демократического

режима. Так, США остаются одной из самых экономически развитых стран мира – на 2019 г. они входят в первую десятку стран по уровню ВНД на душу населения (World Bank 2020b), на «карте культур» *WVS* США занимают схожие позиции с остальными демократическими государствами (World Values Survey 2020a) и характеризуются стабильно высоким показателем *Government Effectiveness* (так, согласно исследованиям Всемирного банка, с 1996 г. значения этого показателя колебались от 1,5 до 2 – при максимуме в 2,5 пункта) (World Bank 2020b).

Таким образом, имеют место противоречия между имеющимися теориями демократии и наблюдаемой политической реальностью. Так, экономический рост в Соединенных Штатах сочетается с центробежными тенденциями в политике, развитая гражданская культура – с ростом популизма, а высокие показатели *WGI* (*Worldwide Government Indicators*) – с ожесточением политической борьбы. Вследствие этого многие современные исследователи предпринимают попытки объяснить деконсолидацию режимов либеральной демократии в США и странах Западной Европы. Например, Рональд Инглхарт и Пиппа Норрис в своем исследовании «Культурная реакция – Трамп, Брексит и авторитарный популизм» (*Cultural Backlash – Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*) выявляют связь кризиса демократии и изменения ценностей общества (Inglehart, Norris 2019). Стивен Левицкий и Даниэль Зиблатт в своей работе «Как умирают демократии» (*How Democracies Die*) обосновывали точку зрения, что деконсолидация демократии обусловлена оппортунизмом и авторитарными наклонностями «сильных лидеров» (Levitsky, Ziblatt 2018). Бертан Матье в своем исследовании «Либеральная демократия: идеальная конституционная модель в период кризиса» и вторящие ему Ким Молоней и Самюэль Крислов основной причиной кризиса либеральной демократии полагают развитие «антидемократических правопорядков» и законодательных изменений, инициируемых исключительно «сверху» (Матье 2019; Moloney, Krislov 2016).

Тем не менее остаются открытыми следующие вопросы: а) по каким причинам произошли радикализация масс и постепенный отход от традиционных демократических ценностей; б) в чем причина того, что «харизматики» оказались предпочтительнее умеренных политических лидеров; в) чем вызваны столь радикальные перемены политических практик? Эти вопросы выявляют пробелы

в современной теории демократии, что дает возможность отдельным исследователям утверждать, будто она не способна в полной мере объяснить причины деконсолидации демократических режимов в США и других западных странах (Doh 2018).

Деконсолидация демократического режима – определение и составные части

Деконсолидация демократии – это системный кризис демократического режима, заключающийся в повторяющемся оппортунистическом поведении элит, эрозии общественной поддержки демократии, развитии центробежных тенденций в поведении основных политических акторов, а также в совокупном изменении социального, политического и культурного ландшафта государства в сторону большего распространения антидемократических практик.

Основной причиной деконсолидации демократии принято считать несовпадение ожиданий, которые индивид с нею связывает (экономическое благополучие, порядок и законность), и политической реальности, что приводит к разочарованию и, совместно с социальной напряженностью, к эрозии демократических институтов. Данное противоречие позволило американским политологам Т. Даю и Х. Цайглеру выявить парадокс: «Демократия – это власть народа, но ответственность за выживание демократии лежит на плечах элиты. Это – ирония демократии: элиты должны править мудро, чтобы “правление народа” выжило» (Dye, Ziegler 2019). Тем самым первопричину деконсолидации демократии в США следует искать в изменении поведения политической элиты, что является одним из главных признаков эрозии демократического режима (Corbett 2019).

По утверждению К. Шмитта, для формирования политической идентичности жизненно важно осознание кого-либо в качестве «чужака» или «врага», так как одним из компонентов близости является отдаление, и отождествление (идентификация себя) с определенной группой людей или идей не будет по-настоящему полным без эффективного отрицания другой группы (противопоставления себя ей). Смысл различения друга и врага состоит в том, чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения или разделения, ассоциации и диссоциации (Шмитт 2016: 298–303).

Тем самым победа США в холодной войне обусловила зарождение нескольких негативных тенденций внутри американской

элиты. После распада СССР исчез образ врага, который, с одной стороны, цементировал американскую идентичность, так как культивирование приверженности демократии в американском обществе во многом базировалось на противопоставлении либеральной демократии и коммунизма, а с другой – обеспечивал консолидацию элит, которые в условиях политической конкуренции, но ввиду угрозы ядерной войны купировали центробежные тенденции. Согласно суждению профессора права в Гарвардском университете Лоуренса Лессига, негативные тренды в американской политике, заключающиеся в росте поляризации политических акторов, ужесточении политической конкуренции и «сломе двухпартийной системы», начались еще в 1990-х гг. с приходом 58-го спикера Палаты представителей США Ньюта Гингрича (первого республиканца в этой должности за 40 лет). По словам Л. Лессига, начиная со 104-го конгресса внутри этого института исчезла всякая идея о том, что Конгресс должен служить делу нации, а не правящей партии (Lessig 2016).

Данная оценка подтверждается множеством количественных данных. Так, по результатам исследования Захари Нила, начиная с конгресса 1993–1994 гг. (первого, избранного после распада СССР) с каждой новой сессией значительно увеличивалась поляризация законодателей. Во-первых, доля «негативных отношений» (враждебных взаимоотношений между законодателями) превышала долю «позитивных отношений» (примеров сотрудничества конгрессменов). Во-вторых, оба типа отношений становились все более распространенными, и это свидетельствует о том, что члены Палаты представителей и Сената США все чаще выбирают чью-то сторону при разработке законов. В-третьих, начиная с 1991 г. прослеживаются всплеск и дальнейшее увеличение позитивных отношений между членами одной партии и негативных отношений между членами разных партий, что говорит нам о возрастающей поляризации политического истеблишмента США. Так, к сессии 2015–2016 гг. 98,8 % всех позитивных отношений в Палате представителей были между законодателями одной и той же партии, в то время как только 1,2 % позитивных отношений имели место между республиканцами и демократами (см. рис. 2). При этом пик поляриза-

ции фиксируется в 2015–2016 гг. – именно тогда такие «крайние» политики, как Дональд Трамп и Берни Сандерс, добились первых реальных успехов на федеральной политической сцене (Neal 2020).

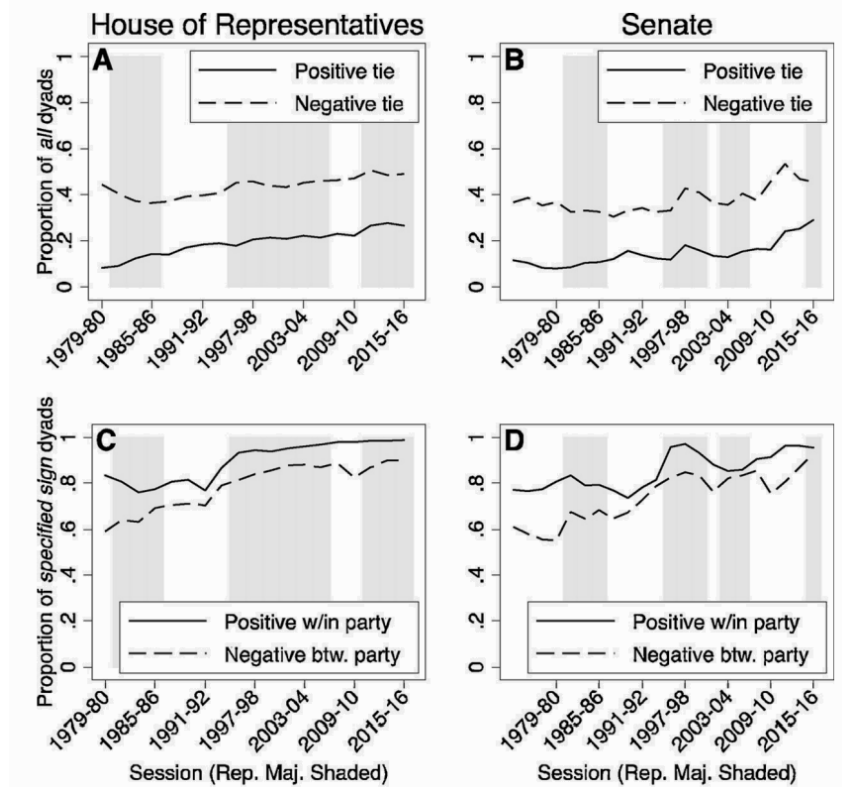

Рис. 2. Позитивные и негативные связи в Конгрессе США

Источник данных: Neal 2020.

С. Роуз-Аккерман в своем исследовании «Коррупция и государство» указывала, что росту коррупции способствует расширение сфер господства властвующей элиты, иными словами, неограниченная власть порождает серьезные злоупотребления (Роуз-Аккерман 2010: 214–215). Победа в холодной войне превратила США в абсолютного гегемона, что не могло не отразиться на поведении американской элиты – значение индекса *Control of Corrup-*

tion (измеряется Всемирным банком в диапазоне от 2,5 – наименьшая коррупция до –2,5 – наибольшая коррупция) показывает уверенный тренд на снижение начиная с 2000-х гг. (см. рис. 3).

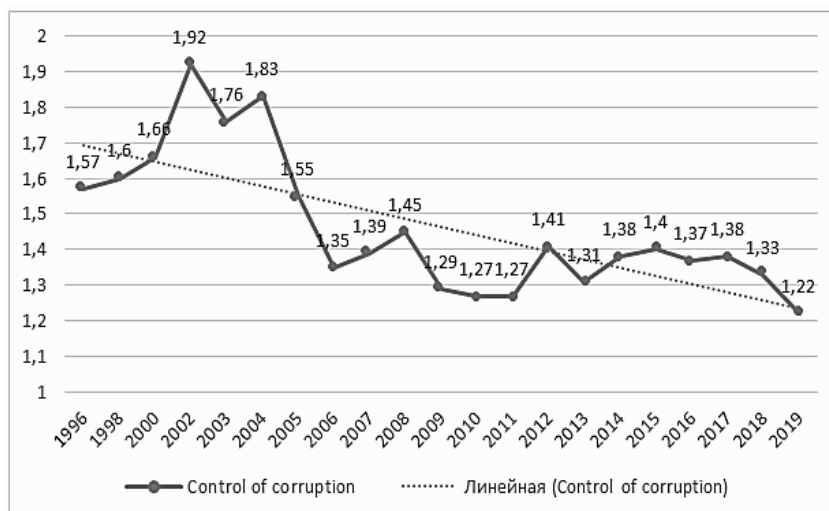

Рис. 3. Динамика показателя *Control of corruption* в США

Источник данных: World Bank 2020a.

Помимо того что коррупция сама по себе приводит к деконсолидации демократического режима, так как ослабляет демократические институты, а недоверие общества к коррумпированным политикам проецируется на демократическую систему в целом, она также тесно взаимосвязана с поляризацией политических акторов (Drapalova 2019). Согласно концепции Мансура Олсона, американская элита, оказавшись в наиболее благоприятных условиях (доступ к мировой гегемонистской власти вкупе с отсутствием сколько-нибудь значимой конкуренции на международной арене), уступила соблазну дальнейшего наращивания своего глобального господства ради получения ренты (Олсон 2013). Тенденция превращения гегемонистской международной политики, рассматриваемой в первую очередь как средство обогащения, в «игру с нулевой суммой» (то есть достижение предпочтений для элиты США в ущерб другим игрокам) негативно влияет на эффективность политической

системы в самих Соединенных Штатах, делая ее менее восприимчивой к запросам и ожиданиям граждан. Нарушения в работе политической системы США отражаются в показателях индекса *Voice and Accountability* Всемирного банка, измеряемого в диапазоне от $-2,5$ до $2,5$. Начиная с 1996 г. его значения для США уменьшились с 1,35 до 0,97 пунктов (см. рис. 4).

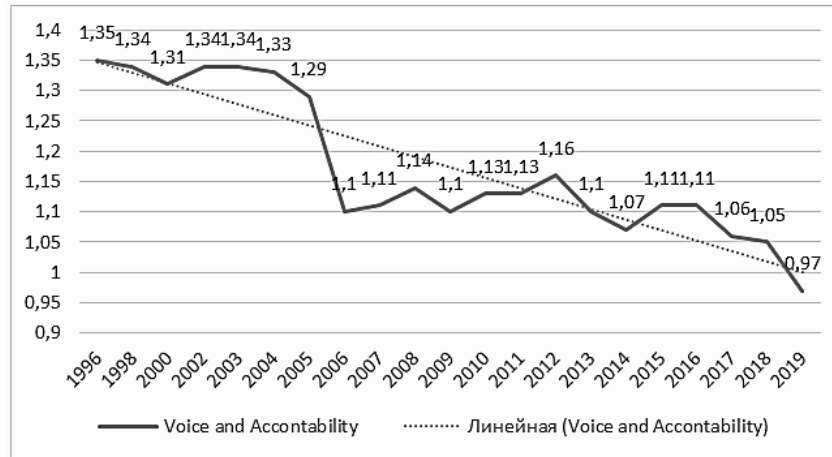

Рис. 4. Динамика индекса *Voice and Accountability* для США

Источник данных: World Bank 2020a.

Снижение показателей эффективности политической системы США в течение последних 20 лет не могло не отразиться на уровне жизни граждан и их политических настроениях. Согласно исследованиям *World Inequality Database*, в 1995 г. доля от общего национального дохода США одного процента наиболее богатых американцев впервые с 1943 г. превысила долю наименее обеспеченной половины американских граждан (см. рис. 5). Как следствие, растущее неравенство порождает антагонизм между различными слоями населения, а разрушение среднего класса в США равноценно потере «станового хребта» демократии (Липсет 2016: 74–75).

Тем самым рост неравенства, обусловленный нарушениями в работе политической системы Соединенных Штатов Америки, приводит к «выпадению» из нее отдельных социальных страт, что

влечет за собой их разочарование в демократии и дальнейшую радикализацию. Так, согласно исследованию Федеральной резервной системы США, миллениалы (родившиеся между 1981 и 1996 гг.) являются самым крупным и одновременно самым бедным поколением, владеющим на 2020 г. всего 4,6 % национального богатства (Federal... 2020).

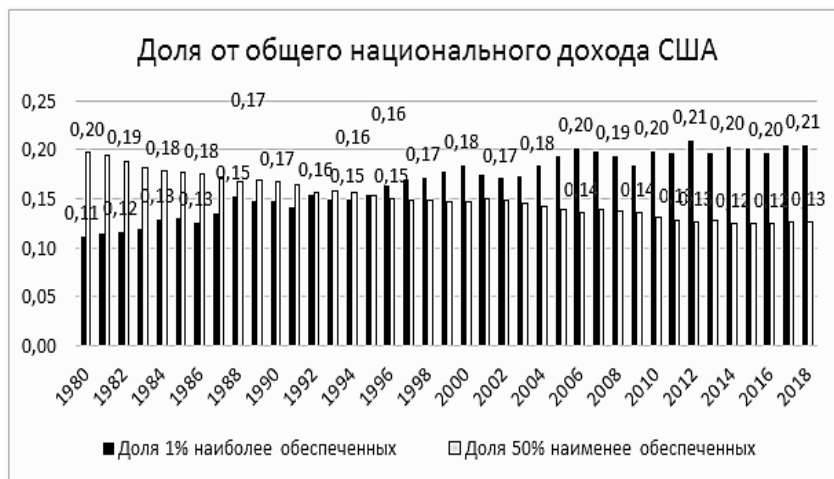

Рис. 5. Динамика неравенства в США

Источник данных: The World Inequality Database 2020.

Данный факт обуславливает наибольшую популярность Берни Сандерса (ему отдали предпочтение 31 % респондентов) среди молодых американцев в возрасте от 18 до 26 лет, согласно исследованию Фрэнка Лунца, проведенного в 2016 г. (Lunz 2016). В свою очередь, увеличивающийся с 1995 г. разрыв между большинством населения и 1 % самых богатых американцев делает Сандерса самым популярным действующим политиком-демократом (YouGov 2020a). Похожим образом обстоит ситуация на правом флаге политического спектра. Вследствие политической и экономической глобализации, поддерживаемой американскими элитами в 1990-х гг., многие американские производства были выведены за границу, в результате чего на Среднем Западе США образовался так называемый «ржавый пояс» – группа штатов, впавших в глубокий про-

мышленный кризис. Подобного рода утрата связи элит со своей социальной базой предопределила как дальнейшую деконсолидацию демократии в США (Лейпхарт 1997: 206–207), так и то, что избиратели данного региона во многом способствовали победе Дональда Трампа (по большей части такого же антисистемного политика, как и Берни Сандерс) на президентских выборах 2016 г. (Frieden 2020).

Негативные тенденции охватили не только отдельные социальные страты, «выпавшие» из политической системы США, но и американское общество в целом. Согласно исследованию *World Values Survey* (см. рис. 6), начиная с 2000-х гг. в США фиксируется рост респондентов, ответивших, что они относятся «плохо» или «очень плохо» к демократической политической системе.

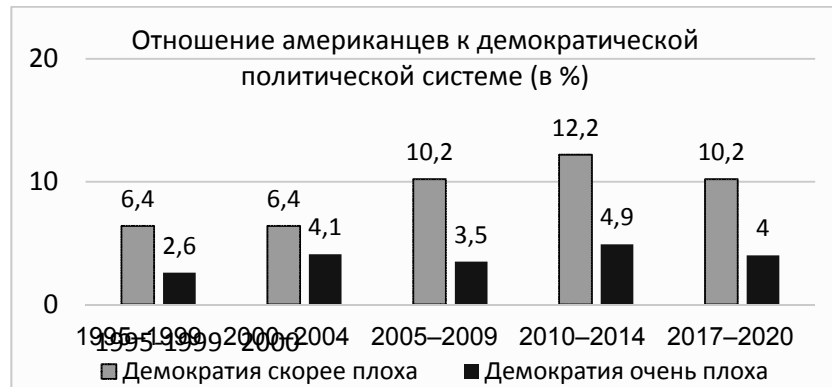

Рис. 6. Динамика недоверия к демократии в США

Источник данных: World Values Survey 2020b.

Примечательно, что наиболее негативно к демократии относится молодежь от 16 до 34 лет (Foa, Mounk 2016). Согласно концепции Г. Алмонда и С. Верба, для выживания демократии необходима гармонизация политической культуры и институциональных структур. Иными словами, необходима эмоциональная и оценочная лояльность среди разных групп населения по отношению к демократической политической системе. Но на практике, напротив, — рост числа граждан, отказывающихся демократии в праве на существование, становится дополнительным фактором ее деконсолидации (Алмонд, Верба 2014: 56–58).

Карл Поппер в своем исследовании «Открытое общество и его враги» отмечал, что драйверами социальных изменений могут быть волевые действия удаленной от власти части правящего класса, иными словами, контрэлита в определенных обстоятельствах может транслировать свои ценности остальной части общества (Поппер 1992: 363–364). Тем самым при наличии достаточных оснований для каких-либо социальных страт отказаться от демократии запросы этой части общества резонируют со стремлением к господству харизматичных лидеров. В результате развитие центробежных тенденций в обществе становится самоподдерживающимся процессом – антисистемно настроенные политические лидеры культивируют в обществе недоверие к демократии, а расширяющаяся база сторонников усиливает распространение программ политиков данного типа. Подобное влияние на политическую культуру США оказывают крайне правые и крайне левые политики, которые в последнее время присваивают все больший властный капитал на политической арене США. Под влиянием (помимо прочих факторов) таких политических деятелей, как Д. Трамп, Б. Сандерс и др., предпочтения американцев на шкале «право-лево» значительно сместились от центра к право- и леворадикальным полюсам, о чем свидетельствуют данные опроса *World Values Survey* (см. рис. 7).

Как писал А. Лейпхарт, для выживания демократии жизненно необходимы умеренность политических лидеров и масс, отсутствие влиятельных крайне правых и крайне левых течений и центростремительные тенденции в политике (Лейпхарт 1997: 44–46). В свою очередь, развитие крайних политических течений, «смещение» избирателей от политического центра к правому и левому полюсам, эрозия традиционных политических норм способствуют превращению политики в «игру с нулевой суммой», разрушению консенсуса общества относительно благотворности демократии и ее дальнейшей деkonsолидации (Howe 2017).

Политическая поляризация, априорно-негативное восприятие своих политических противников, подпитываемая оппортунистски настроенными политиками, влечет за собой наиболее значимую составляющую деkonsолидации демократии – рост толерантности к политическому насилию. Согласно исследованиям *YouGov* и *Voter Study Group*, начиная с 2017 г. фиксируется рост «открытости» к политическому насилию среди части демократов и республиканцев

(см. рис. 8). И хотя большинство американцев отрицают уличное насилие правых и левых радикалов, рост приверженцев крайних методов в политике может угрожать сохранению американской демократии.

Рис. 7. Политические предпочтения в США по шкале «лево-право»²

Источник данных: World Values Survey 2020b.

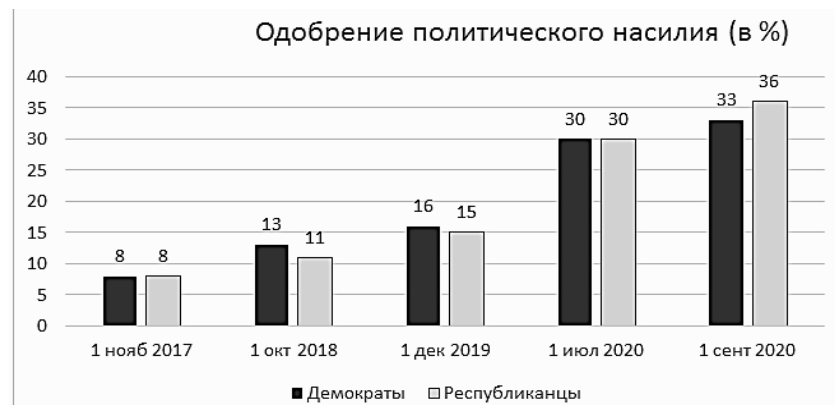

Рис. 8. Динамика одобрения политического насилия в США

Источники данных: YouGov 2020b; Voter Study Group 2020.

² Под центристами автор обозначил процент респондентов, которые на шкале от 1 (крайне левые) до 10 (крайне правые) выбрали в процессе самооценки значения от 4 до 7 включительно.

Выводы

Консолидированная демократия предполагает наличие множества предохранителей, способствующих ее выживанию даже во время самых тяжелых социальных и экономических кризисов. В то же время составные части стабильной демократической системы (сильные институты, центристские настроения элит и контрэлит, гражданская культура населения и т. д.) настолько взаимосвязаны, что нарушение работы в одной из них может привести к постепенному разрушению остальных элементов, поддерживающих демократию. Консолидированная американская демократия, успешно преодолев Великую депрессию, ныне столкнулась с не менее глобальными трудностями, но в условиях ослабевших институтов данное обстоятельство впервые со времен Гражданской войны в США привело к проседанию уровня демократии и ее деконсолидации (Лейпхарт 1997: 149). В то же время необходимо отметить, что хотя неконсолидированная демократия является наиболее нестабильным типом политического режима и редко надолго «застывает» в своем положении, в ближайшей исторической перспективе политических катаклизмов в США не предвидится, так как эрозия демократических институтов требует гораздо больше времени для наступления ощутимых последствий. Именно поэтому деконсолидация либеральной демократии в США и других странах Запада не гарантирует наступления прогнозируемых многими исследователями катастрофических последствий.

Литература

Алмонд, Г., Верба, С. 2014. *Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах*. М.: Мысль. 500 с.

Даль, Р. А. 2000. *О демократии*. М.: Аспект Пресс. 208 с.

Лейпхарт, А. 1997. *Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование*. М.: Аспект Пресс. 287 с.

Липсет, М. 2016. *Политический человек: социальные основания политики*. М.: Мысль. 612 с.

Матье, Б. 2019. Либеральная демократия: идеальная конституционная модель в период кризиса. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения* 1: 15–16.

Олсон, М. 2013. *Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагнация и социальный склероз*. М.: Новое издательство. 324 с.

Поппер, К. 1992. *Открытое общество и его враги*. Т. 1. Чары Платона. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива». 448 с.

Роуз-Аккерман, С. 2010. *Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы*. М.: Логос. 356 с.

Шмитт, К. 2016. *Понятие Политического*. М.: Наука. 568 с.

Corbett, J. 2019. The Deconsolidation of Democracy: Is It New and What Can Be Done About It? *Political Studies Review* 18(2): 178–188.

Doh, C. S. 2018. The Deconsolidation of Liberal Democracy in Korea: Exploring its Cultural Roots. *Korea Observer* 49(1): 107–136.

Drapalova, E. 2019. Corruption and the Crisis of Democracy: The Link between Corruption and the Weakening of Democratic Institutions. URL: www.jstor.org/stable/resrep20482.

Dye, T., Ziegler, H. 2019. *The Irony of Democracy: An Uncommon Introduction to American Politics*. Boston: Wadston Cengage Learning.

Federal Reserve System. 2020. Distribution of Household Wealth in the U.S. since 1989. URL: <https://www.federalreserve.gov/releases/z1/dataviz/dfa/distribute/table/#quarter:119;series:Net%20worth;demographic:generation; population:all;units:shares>.

Foa, R. S., Mounk, Y. 2016. The Danger of Deconsolidation: The Democratic Disconnect. *Journal of Democracy* 27(3): 5–17.

Freedom House. 2020. *Freedom in the World. United States*. URL: <https://freedomhouse.org/country/united-states/freedom-world/2020> (дата обращения: 22.12.2020).

Frieden, J. 2020. The Political Economy of Economic Policy. *Finance and Development* 57(2): 4–9.

Howe, P. 2017. Eroding Norms and Democratic Deconsolidation. *Journal of Democracy* 28(4): 15–29.

Inglehart, R., Norris, P. 2019. *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lessig, L. 2016. How Gingrich Broke Congress. *CNN* July 13. URL: <https://edition.cnn.com/2016/07/13/opinions/how-gingrich-changed-congress-lessig/index.html> (дата обращения: 22.12.2020).

Levitsky, S., Ziblatt, D. 2018. *How Democracies Die*. New York: Crown Publishing.

Lunz 2016. *LunzGlobal 2016*. The Attitudes and Priorities of the Snapchat Generation. URL: <https://static.politico.com/bc/7c/c808106e44eaa8855a3a12553bb7/snapchat-generation-release.pdf> (дата обращения: 22.12.2020).

Moloney, K., Krislov, S. 2016. Legal-Administrative Responses and Democratic Deconsolidation Public. *Organization Review* 16(1): 17–37.

Neal, Z. P. 2020. A Sign of the Times? Weak and Strong Polarization in the U.S. Congress, 1973–2016. *Social Networks* 60: 103–112.

Political Regime Characteristics and Transitions. 2020. *Polity V*. URL: <https://www.systemicpeace.org/inscrdata.html> (дата обращения: 22.12.2020).

The World Inequality Database. 2020 Income Inequality, USA. URL: https://wid.world/data/#countrytimeseries/sptinc_p0p50_992_j;sptinc_p99p100_992_j/US/1913/2019/s/k/p/yearly/s.

YouGov. 2020a. *The Most Popular Democrats in America*. URL: <https://today.yougov.com/ratings/politics/popularity/Democrats/millennials>.

YouGov. 2020b. *Political Violence*. URL: [https://today.yougov.com/topics/overview/all\(popup:search/political%20violence\)](https://today.yougov.com/topics/overview/all(popup:search/political%20violence)).

Voter Study Group. 2020. Most Americans Reject Partisan Violence, but there is Still Cause for Concern URL: <https://www.voterstudygroup.org/blog/has-american-partisanship-gone-too-far>.

World Bank. 2020a. Worldwide Governance Indicators. Washington DC: World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org>.

World Bank. 2020b. GNI per capita (current US\$). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.CD>.

World Values Survey. 2020a. Cultural Map. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp>.

World Values Survey. 2020b. Online Data Analysis. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>.